

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение всякой частной проблемы столь же бесконечно, сколь бесконечен научный процесс вообще. В эту книгу вошли далеко не все известные нам факты «ответной рецепции», а значительно большее количество фактов — и вовсе ускользнуло от внимания. Однако представленный материал, как думается, составляет ту критическую массу, которая позволяет увидеть и проанализировать предмет исследования не фрагментарно, а целостно и системно.

Мы не утверждаем, будто в этой книге восстановлены все черты и механизмы имагологического дискурса в русско-французском межлитературном диалоге первой половины XIX в. Если сосредоточить в дальнейшем более пристальное внимание, скажем, на зависимости текста «ответной рецепции» от исторической картины мира, то, несомненно, откроются подробности, которые позволят постичь эту зависимость и глубже, и тоньше. А если скрупулезнее вникнуть в переплетения личных мотивов, вызывавших создание текста «ответной рецепции», то окажется, что индивидуальные побуждения имели множество не учтенных нами оттенков. И все это будет верно, но подобные поправки и уточнения возможны лишь тогда, когда восстановлена принципиальная схема имагологического дискурса. А именно такая схема и реконструируется в этой книге, и анализ привлеченных фактов дает основание утверждать, что имагологический диалог функционировал именно так, как это описано нами.

Результаты наблюдений и выводы последовательно формулировались на всем протяжении работы, но есть смысл подвести общий итог и еще раз обрисовать принципиально значимые черты имагологического дискурса в русско-французском межлитературном диалоге.

Начнем с главного. Анализ текста «ответной рецепции», рассмотренного в контексте реальной историко-культурной ситуации, дает основание считать цель исследования достигнутой и утверждать: имагологический дискурс являлся активной сферой русско-французского литературного общения, поскольку стремление русской литературы корректировать российский имидж беспре-

рывно инициировало и поддерживало это общение. Исходя из сказанного, мы должны заключить и следующее: всякое изучение межнациональных литературных контактов неизбежно должно учитывать роль имагологического дискурса в процессе межлитературной коммуникации.

Статистический обзор российских периодических изданий, исторических исследований и книжных собраний первой половины XIX в. показывает, что процесс осмысления российским обществом французского текста о России имел широкий и последовательный характер. Как следствие — включение в этот процесс русской литературы с использованием свойственных ей возможностей, выполнение русской литературой роли общественного рупора и корректора в ходе русско-французского имагологического диалога.

Для исследования механизмов воздействия имагологического дискурса на процесс русско-французского литературного общения нами были выявлены факты, свидетельствующие о стремлении русской литературы корректировать французский имидж России (текст «ответной рецепции»). В качестве теоретико-методологической базы дальнейшего исследования были использованы коммуникативные теории, которые позволили представить все литературные факты имагологического диалога в контексте интеркультурной коммуникативной ситуации и применить соответствующую исследовательскую тактику. Структура нашего исследования логически основывалась на необходимости осмыслить три основных фактора, сочетание которых определяет суть и своеобразие реальной читательской ситуации и конкретного межлитературного диалога: 1) конкретно-исторические условия, 2) общественные и личностные мотивы вступления в диалог, 3) тактика воздействия на оппонента.

Специфика русско-французского имагологического дискурса в значительной степени объясняется воздействием исторических факторов. В период наполеоновских войн российское общество осознало, что враждебное отношение к России французской литературы и публицистики зачастую основано на использовании предвзятой, необъективной информации. Это побуждало российских литераторов включаться в «пропагандистскую войну» и осваивать методы борьбы с французскими стереотипами. Эпоха Отечественной войны и взятия Парижа позволила российским военным и всему российскому обществу выстраивать свой национальный имидж в глазах французов не только с помощью военной силы, но и с по-

мощью социально-поведенческих приемов, демонстрировавших французам уровень российской культуры. На основании этого опыта в русской литературе начал формироваться типический персонаж — защитник российского национального имиджа.

Дальнейшая политическая ситуация вела к обострению русско-французских политических отношений и провоцировала новую актуализацию негативных национальных стереотипов. Долгое время во французских представлениях Россия ассоциировалась исключительно с деспотическими методами правления Николая I и вызывала ненависть, апогей которой пришелся на эпоху Крымской войны.

В этот период российский престиж испытал стремительное падение, которому пытались противодействовать российские литераторы. Однако возможности русской литературы в этой области были сильно стеснены подавлением свободы слова в России. Кроме того, разочарование российского общества в отечественном социальном устройстве заставляло с доверием воспринимать зарубежную критику российской действительности. Порою русские литераторы принимали на веру даже те элементы французского текста о России, которые зиждились на несправедливых национальных стереотипах. Но все же в большинстве случаев русская литература стремилась проверить правильность зарубежного взгляда на Россию и опровергнуть те «иностранные сказания», которые, с точки зрения объективных фактов и отечественных представлений, противоречили истине, а значит — искажали как европейское, так и отечественное видение России и ее перспектив.

Существенное влияние на имагологический дискурс оказали представления российского общества о французском национальном характере. Важно, что, создавая «ответ» на французские «сказания» о России, русская литература ориентировалась именно на черты французского менталитета, на французское видение мира, на французские культурные и социальные достижения. Русско-французские связи первой половины XIX в. были разнообразны и обусловили процесс познания народами друг друга. Литература стала способом фиксации, осмысления и сохранения знаний одной нации о другой. Русская литература стремилась выработать объективное представление о «собеседнике» в межнациональном диалоге и с этой целью, создавая образы «типичных французов», использовала разноплановые материалы и способы: исторические и бытовые факты, отзывы иных национальных литератур и умозрительные

теории, при этом русская литература не могла избежать влияния национальных чувств и стереотипов национальной памяти.

В русской литературе бытовали негативные стереотипы, которые заставляли российского читателя с предубежденным недоверием воспринимать суждения и оценки французских авторов о России. Французское легкомыслие, политическая заангажированность, национальное тщеславие, неспособность понимать *чужое* и т. д. — все это дискредитировало автора «французского текста о России» в глазах российского читателя. Тем более что эти стереотипы в той или иной мере имели объективную историческую обусловленность. Зачастую в негативных оценках французского менталитета обнаруживается почти небывалое в России единодушие между официальной позицией и радикально настроенными авторами, между приверженцами западной ориентации и славянофилами.

Вместе с тем, воспринимая французское общество в качестве эталона, русские закономерно уклонялись в сторону идеализации французских нравов, устоев и суждений. Столкновение с реальными чертами французской жизни разрушали идеализированный имидж Франции и французов. Постоянное колебание русского общества между преклонением перед французской нацией и разочарованием в ней, между созданием и развенчанием французского мифа вынуждало русскую литературу, с одной стороны, интересоваться и считаться с мнением французов о России, а с другой — осознавать относительность его объективности и понимать природу искажений во французском образе России.

Достижения французской литературы обеспечивали ей популярность среди российских читателей, их интерес к французским текстам и в том числе к французскому тексту о России. Несмотря на официальные заслоны, произведения французской литературы о России имели широкий доступ к российскому читателю.

Популярность в России французской культуры обеспечивала российскому читателю адекватное восприятие текстов французской литературы, поскольку российское образованное общество и значительная часть литераторов той поры вместе с французским языком усвоили многие семантические константы, которые отражали французское национальное сознание. Российские литераторы в диалоге с французами не просто «переходили» на французский язык, но способны были «переключаться» в регистр французских понятий, создавать текст «ответной рецепции» с учетом национальной специфики французской публики.

Мотивационная основа текста «ответной рецепции» представляет собой сложную структуру, специфика которой обусловлена особенностями исторической, литературной ситуации и разнообразием индивидуальных авторских позиций. В каждом отдельном случае текст «ответной рецепции» создавался на основе оригинального и сложного взаимодействия ряда мотивационных начал, что наделяет всякий факт «ответной рецепции» индивидуальными чертами.

Как универсальную мотивационную установку следует выделить стремление российских литераторов актуализировать французский текст о России и использовать его, во-первых, в качестве источника объективной информации о стране, во-вторых, в качестве «совещательного голоса», источника мнений, необходимых для осмысления российской действительности. Французский текст о России участвовал (порою как продуктивный материал, а порою как рубеж отталкивания) в процессе формирования национального представления о России. Поскольку русская литература осмысляла перспективы участия русского народа в общеевропейской жизни, многие литераторы стремились сделать достоянием европейского сознания позитивные черты российского менталитета, достижения русской словесности.

Многообразию индивидуально-авторских интенций при создании текста «ответной рецепции» объясняется, в первую очередь, разностью индивидуально-творческих, партийно-идеологических, духовно-ценностных установок, а также воздействием эмоционального начала и фактов авторских биографий. Степень авторской привязанности к отечеству программировала вектор-активность индивидуального «ответа» на зарубежные мнения о России. Несхожесть, например, славянофильских и западнических воззрений объясняла принципиально разное восприятие «французского текста», а следовательно — и реакцию на него. Разногласие или солидарность с официальной позицией определяли желание автора использовать текст «ответной рецепции» либо в качестве поддержки существующих в России порядков, либо, соответственно, в качестве оружия против них. Порою чувством патриотизма и стремлением к объективности вуалировались иные, менее благородные, побуждения: корыстолюбие, тщеславие, властолюбие, угодничество, желание мести — эти позы также должны быть отнесены к числу мотивов создания текста «ответной рецепции».

При всей многоликости частных воплощений текста «ответной рецепции» отчетливо выделяются основные тактические приемы, выработанные русской литературой в ходе имагологического диалога.

Широкая возможность прямых контактов стимулировала стремление русских литераторов на уровне личных взаимоотношений с французскими писателями корректировать российский имидж, что порою вело к реальному, хотя и частным, изменениям во французских представлениях о России.

Одновременно русские литераторы стремились воздействовать на широкую европейскую публику посредством публикации своих произведений за рубежом. В условиях российской цензуры такие попытки приобретали статус нелегальной или полунелегальной деятельности. Но поскольку официальная власть в деле защиты национального имиджа оказывалась беспомощной и инертной, литература становилась (в союзе с наукой и публицистикой) наиболее действенным общественным инструментом воздействия на французские мнения о России. Сознвая это, многие зачастую вполне лояльные литераторы защищали национальные интересы на европейской литературной арене в обход и даже вопреки государственным нормам и учреждениям. Следствием этого было, с одной стороны, расширение французских представлений о России, с другой — приобретение русской литературой опыта легальных и нелегальных публикаций в Европе. Обнародуя свои произведения за рубежом, российские авторы учились ориентироваться на европейского читателя, привыкали выставлять свою позицию и свои достижения на суд широкой европейской общественности, оппозиционировать себя по отношению к официальной российской власти, утратившей кредит доверия в глазах французского общества. Даже механически такое перенесение текста «ответной рецепции» на европейскую территорию создавало условия для интенсификации прямого литературно-имагологического диалога.

Поиск приемов и средств воздействия на французское видение России превращался в одну из острых проблем, стоящих перед русской литературой в целом, вел к интенсивной внутрилитературной полемике, к созданию универсального «рецепта» противодействия зарубежной предвзятости. Литература превратилась в своего рода национальное «вече», совещательный орган для обсуждения общенародной позиции в отношении к европейским «сказаниям» о России, вырабатывала для российского общества час-

тные и универсальные аргументы, пригодные в спорах о России с иностранными оппонентами, моделировала художественные типологии подобных споров.

Способы коррекции российского имиджа, предлагаемые при этом для осмысления литературой, зависели от литературнопартийных, политических и культурных авторских пристрастий. Так, официальная литература привнесла в имагологический дискурс элементы государственной идеологии; славянофилы противопоставляли традиционным представлениям европейцев собственный миф о России, западники, используя европейские аргументы в критике российских порядков, внушали европейскому читателю мысль о возможности демократических преобразований в России и т. д. и т. п.

Но высший успех в формировании национального имиджа обеспечили даже не отдельные споры, не создание моделей «ответа» за границей, не мобилизация общественных интеллектуальных возможностей, а новый виток в развитии русской литературы — ее способность создавать масштабное, реалистическое, художественно обобщенное изображение России, которое воспринималось за рубежом как наиболее верный портрет России и русского народа и могло конкурировать с традиционным образом России во французской литературе.

Принципиальные структурно-функциональные особенности имагологического дискурса, выявленные в пределах русско-французского литературного диалога первой половины XIX в., несомненно, могут быть экстраполированы в область взаимоотношений других национальных литератур. Однако при этом следует учитывать тот значительный масштаб влияния, которое оказывают на всякое конкретное воплощение имагологического текста факторы, специфические для каждой отдельной эпохи и межлитературной ситуации: исторические, социальные, межэтнические, историко-литературные и проч. условия, факты авторских биографий, степень доверия зарубежному оппоненту в имагологическом споре и т. д. С уверенностью можно сказать, что обращение к имагологическому дискурсу в области других эпох и других межлитературных отношений, где историческая и межэтническая ситуация неизбежно будет иной, прибавит к обрисованной нами модели литературной борьбы за национальный имидж новые, неожиданные очертания. Дальнейшее всесторонне изучение имагологического дискурса в контексте иных эпох и иных межли-

тературных отношений — задача, которая требует привлечения более широкого круга материалов, внедрения дополнительных методов анализа, использования значительного исследовательского потенциала. Эта проблема, несомненно, имеет актуальное значение для современной гуманитарной науки и способна привлечь ученых, стремящихся осмыслить роль национальных образов (имиджей) в развитии как межлитературных, так и межкультурных контактов.

Цель же нашей работы сводилась к доказательству участия имагологического дискурса в развитии межлитературных контактов, и эта цель, думается, достигнута. Мы посвятили нашу книгу имагологическому дискурсу в русско-французском межлитературном диалоге первой половины XIX в. И мы сказали об этом предмете все, что знали, и все, что собирались о нем сказать.